

Экономическая политика в сфере эксплуатации лесов в Прибалтике первой половины XVIII в.

Евгения М. Лупанова^{a, @, ID}

^a Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук, 199034, Россия, г. Санкт-Петербург,

Университетская наб., 3

@lupanova@kunstkamera.ru

ID <https://orcid.org/0000-0003-0266-2887>

Поступила в редакцию 04.05.2019. Принята к печати 31.07.2019.

Аннотация: Предметом исследования является экономическая политика в сфере эксплуатации лесов, проводившаяся петербургским правительством в первой половине XVIII в. Цель – изучить экономическую политику в сфере эксплуатации лесов, выявить механизмы ее выработки и изменения. Статья написана на основе базовых принципов исторического исследования, в число которых входит историзм, системность. Опорными идеями служат многофакторность исторического процесса, принцип проблемно-хронологического изложения материала и инструментально-технологический подход в рамках теоретических разработок концепции модернизации. Создание флота при Петре Великом, с одной стороны, стимулировало развитие торговли, с другой – заставило мобилизовать различные ресурсы, в числе которых не последнюю роль играли лесоматериалы. Дilemma «развития торговли vs рациональное использование ресурсов» сразу стала важной проблемой государственной политики, не терявшей своей остроты в течение последующих десятилетий. Эксплуатация лесов в Прибалтике в XVIII в. была зоной столкновения различных интересов – частных и государственных, местных промышленников и переселившихся после вхождения территории в состав России, использовавших традиционные и современные технологии, Адмиралтейства и Коммерц-коллегии, местной администрации и центральной власти. В статье на основе опубликованных и архивных документов рассматривается динамика развития экономической политики и связанные с ней коммуникативные практики, среди которых важнейшее место занимают обращения тех или иных групп населения к власти. В качестве главных векторов можно выделить: жалобы населения на истощение лесов; связанные с ними проверки, ограничения и запреты экспорта лесоматериалов; изъятие заготовленных в пользу казны; жалобы купцов на разорение и упадок торговли. В течение всего столетия эти явления определяли общую ситуацию в регионе, а также заставляли постоянно держать вопрос ресурсосбережения на повестке дня петербургского правительства, издавать постановления, касавшиеся только данного региона и распространять действие ряда ограничительных законов на обширные территории империи. Эта стабильность особенно примечательна в условиях дворцовых переворотов и связанного с ними регулярного пересмотра ряда политических вопросов. Выводы, сделанные в статье, существенно дополняют и расширяют имеющийся в историографии опыт изучения экономической политики и механизмов, влиявших на ее формирование. Прибалтийский регион, имевший прочные связи с западноевропейской культурой, можно считать одним из передовых в России, где модернизационные процессы шли по сравнению с другими быстрее и легче и даже подчас подталкивали центральное правительство не останавливаться на достигнутых результатах. В качестве основных факторов, определявших основные направления развития политики в регионе, следует выделить: активный коммуникационный процесс между властью и локальным обществом с его сильными корпоративными связями; модернизационные процессы, проявлявшиеся в укреплении вертикали власти, регламентации, бюрократизации, расширении товарно-денежных отношений, развитии современных технологий.

Ключевые слова: регулирование природопользования, торговля, модернизация, корпоративные интересы купечества, центральная власть, местная администрация

Для цитирования: Лупанова Е. М. Экономическая политика в сфере эксплуатации лесов в Прибалтике первой половины XVIII в. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 3. С. 614–625. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-3-614-625>

Введение

Изучение истории природопользования сегодня является важной историографической задачей. В свете острейших экологических, экономических и политических проблем обращение к опыту прошлых столетий приобретает особую ценность. Неслучайно эти вопросы активно освещаются на страницах исследований последних десятилетий [1–8].

Создание русского регулярного флота имело многочисленные, разнообразные и подчас конфликтовавшие друг с другом последствия. Среди противоречивших друг другу последствий выделяется прорыв в развитии торговли с Западной Европой и обострившийся дефицит внутренних ресурсов, породивший в числе прочего целый ряд распоряжений по экономическому использованию ресурсов и государственную систему контроля. В реформированном Петром I аппарате государственной власти на страже сбережения лесов стоял их важнейший потребитель – Адмиралтейств-коллегия, а за соблюдением государственных интересов в развитии торговых отношений должна была следить Коммерц-коллегия. Две коллегии с момента своего создания посредством вменявшихся им инструкциями обязанностей ставились в положение соперников [9; 10, с. 177–179; 11, с. 94–101; 12]. Поиск баланса между этими двумя принципами можно изучать на различных примерах. В данной статье сосредоточимся на традиционной для российской экономики лесной торговле, оговорив, что изучение вопроса в других сферах торговых отношений является не менее интересной перспективой для дальнейших исследований.

В историографии нередко соотнесение смерти Петра I с поворотом в политике и сворачиванием реформ. Однако и в сфере охраны лесов, и в области развития внешней торговли можно отметить последовательное продолжение начатой линии. Это может выглядеть странным в свете несколько раз менявшегося в период дворцовых переворотов общего политического курса. Изучение правительенного регулирования эксплуатации лесов дает богатый и интересный материал для понимания закономерностей этой преемственности.

Процесс органично вписывается в концепцию модернизации. Развитие торговли и рационализация природопользования были составляющими частями глобального процесса.

Методика исследования. Статья написана на основе базовых принципов исторического исследования, в число которых входит историзм, системность. Опорными идеями служат также многофакторность исторического процесса, принцип проблемно-хронологического изложения материала

и теоретические разработки в рамках концепции модернизации. Концепция модернизации является в современной историографии теоретической основой для описания самых разных частных изменений в контексте глобальных процессов. Эта теория позволяет рассмотреть, казалось бы, разрозненные изменения как часть масштабных общемировых явлений, выявить параллели и причинно-следственные связи. В рамках концепции модернизации существует множество вариантов, из которых за основу настоящего исследования принят инструментально-технологический подход, понимающий модернизацию как объективную тенденцию общественного развития; комплексное явление изменения инструментов и способов контроля над окружающей средой, технологический прогресс.

Целью исследования является изучение экономической политики в сфере эксплуатации лесов, проводившейся петербургским правительством в первой половине XVIII в., механизмов ее выработки и изменения. Для реализации поставленной цели сформулированы следующие задачи:

- выявление и изучение нормативной базы;
- изучение бытовавших местных традиций и их соотношения с присылавшимися из Петербурга распоряжениями;
- выявление факторов, влиявших на изменение правительственной политики в регионе.

Специфика региона

Дilemma «развитие лесного торга vs сбережение ресурсов» имела в Прибалтике особую актуальность. Регион был богат деревьями, подходящими для судостроения. Прибалтика имела прочную репутацию поставщика мачтовой сосны для европейских рынков. Завоеванный Петром I выход к морю стал быстро оправдывать себя. До 1760 г. через рижский порт шло до 84 % мачт для английского флота, затем эта доля возросла; по торговле с Францией и Голландией таких точных данных нет, но и с ними велась не менее оживленная торговля [13, р. 180–181]. Документы свидетельствуют, что в Нарве и Выборге лес «за главной товар считается»¹ [14, с. 67]. В Нарве лесоматериалы являлись вторым по объему предметом экспорта после льна. Пик торговли пришелся на рубеж 1720–1730-х гг., когда был расширен район заготовок и разрешен вывоз мачт [15, р. 97–98].

Большое количество материалов вывозилось также через Ригу, Пернов и Фридрихсгам. Со шведских времен в Прибалтике работали пильные мельницы, отложен механизм их взаимодействия с городским магистратом

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 16. Оп. 1. Д. 358. Л. 35; Высочайше утвержденный доклад Коммерц-коллегии об уменьшении беспошлинного привоза мелочных товаров корабельщиками, штурманами и матросами к портам С.-Петербургскому, Нарвскому, Выборгскому, Архангельскому и Кольскому. 20 апреля 1732 г. // Полное собрание законов Российской Империи. СПб, 1833. (ПСЗ I). Т. VIII. № 6029.

и центральной властью. С 1670-х гг. существовали и активно развивались местные судоверфи [16, с. 109].

Сложившиеся традиции способствовали постоянному росту товарооборота и создавали специфическую ситуацию, непривычную и представлявшуюся проблематичной русскому правительству. Благодаря сильным корпоративным традициям местное купечество умело отстаивало свои интересы.

Традиции и российские нововведения во время Северной войны

Прибалтийские губернии вошли в состав России в то время, когда уже была установлена государственная монополия на лес и торговлю им. В 1724 г. обсуждался вопрос о назначении лиц, ответственных за состояние лесов на присоединенных в результате Северной войны территориях. В течение года было решено вверить надзор за лесами губернатору, местной администрации и частным владельцам.

Рассмотрение русской торговли лесоматериалами через Прибалтийские порты можно начинать с более раннего времени, чем заключение Ништадтского мира. К балтийским портам издревле экономически тяготели Новгородская и Псковская губернии, в которых традиционно были развиты лесные промыслы и велись заготовки для последующей вывозки через Балтийские порты. Во время войны русские войска уже контролировали территорию, в связи с чем в 1719 г. Пётр приказал брать в казну и доставлять к Петербургскому Адмиралтейству 1/10 часть мачтовых деревьев, предназначенных для вывоза через Рижский порт за границу².

В первый год удалось привезти в столицу на двух судах 108 мачт. Сбор был объявлен со ссылкой на порядок, существовавший во время шведского владения, но без учёта того, что король платил за взимаемые деревья по фиксированной цене. Факт платы не был известен русскому правительству и не сразу получил документальное подтверждение. После получения достоверных сведений было приказано выдать деньги за взятое прежде и в дальнейшем брать материалы с фиксированной платой.

Пока такой порядок еще не установился, в обстановке продолжавшейся войны и неопределенности купцы стали сопротивляться, всячески пытаясь принизить количество

и качество вывозимых материалов, после взятия материалов в казну настойчиво требовать платы. «Которые подрядились машты кому отдавать а-нги вперед взяли... и просят, чтоб от того быть свободным, напротив того приемщики отрицаютца, что по своим подрядам они еще не приняли и тем тако же свободить себя хотят; ... немногая часть таких машт здесь обретается; ... хотя больших гораздо машт по ведомостям поданным и не явилось, однако же что ис тех взято будет за наибольшую причитают себе противность», – докладывал из Ригиober-инспектор И. Исаев³.

В результате 1720 г. экспорт лесов через Рижский и Перновский порты был запрещён «понеже становится безлесно»⁴. Последовали челобитья с просьбами отменить распоряжение. В ответ на них новый указ 23 февраля 1721 г. разрешал вывоз мачтового леса через балтийские порты на условиях контроля генерал-губернатора, уплаты пошлин и отдачи каждого десятого дерева в Адмиралтейство. При этом торговля мачтовыми деревьями через Ригу оставалась казённой монополией, в то время как в остальных портах была дана свобода торговли всем купцам⁵. Летом того же года очередная партия мачт была подготовлена для отправки к петербургскому Адмиралтейству, однако выход судов задержался, и материалы остались невывезенными. На следующий год было собрано 113 мачт, за них купцам выплачена компенсация 2150 ефимков 67½ грошей. С доставкой в Санкт-Петербург снова возникли проблемы.

В 1723 г. было объявлено о разрешении рубить для продажи за границу мачтовые деревья на берегах рек Луга и Плюсса. В 1725 г. получили подтверждение существовавшие при шведском короле права лифляндского, эстляндского шляхетства и города Ревеля; ограничения 1720–1721 гг. – сняты⁶. В том же году ввиду сложности доставки в Петербург взятые в казну материалы попытались продать в Риге, но оказалось, что «по той цене, что за них купцам заплачено продать невозможно и никто ради многовременного лежания не покупает»; не нашлось желающих купить и после снижения цены. При освидетельствовании Адмиралтейским мастером материалы оказались годными, их решено было отправить в Ревель. Тогда же Адмиралтейств-коллегия постановила, что «вновь более отбирать... не подлежит, понеже в них при Адмиралтействе нужды мало» и «в том кроме убытку многою интересу прибыли никакой нет»⁷. Вплоть до момента

² 25 (15?) мая 1719 г. Копия указа // Российский государственный архив Военно-Морского флота (РГА ВМФ). Ф. 212. Оп. 11. Т. 1. 1719 г. Д. 1-а. Наряд дел о заготовке и доставке мачтового леса и пеньки в Петербург, Кронштадт и Ревель и продаже Адмиралтейских судов. Л. 18.

³ РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 1719 г. Д. 1-а. Л. 20-331.

⁴ Опись лесов в Лифляндском и Курляндском уездах, проведенная лейтенантами Некмодовым и Спиридовым 1750 г. // РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 1. Д. 64. Л. 1 об.

⁵ О рубке торговым людям для отпуска за море мачтового дерева. 21 февраля 1723 г. // ПСЗ I. Т. VI. № 3 744.

⁶ Жалованые грамоты 1) лифляндскому шляхетству, 2) эстляндскому шляхетству, 3) городу Ревелю в подтверждение всех прежних их прав, судов и законных постановлений. 1 июля 1723 г. // ПСЗ I. Т. VII. № 4 743.

⁷ РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 11. 1719 г. Д. 1-а. Л. 57–408.

отправки в Ревель в августе 1726 г. не прекращались попытки продать бревна – это было бы для казны выгоднее, чем перевозка материалов. Еще год спустя Адмиралтейств-коллегия распорядилась о возобновлении сбора в связи с дефицитом материалов в Петербурге. В Ригу сразу было отправлено два флейта, на которых было перевезено в столицу 142 мачты. В 1729 г. сбор не производился в связи с заготовлением материалов для Адмиралтейства по подрядам, а в 1730 г. собрано еще 142 дерева⁸. В дальнейшем несколько раз Адмиралтейство также прибегало к сбору материалов в Риге и заготовкам по подрядам. В Нарве аналогичный сбор производился без выплат⁹.

Сдерживание экспорта и конфликт интересов

В 1728 г. по примеру Нарвы обсуждался вопрос о ежегодном сборе в казну 1/10 части мачтовых деревьев, предназначенных для вывоза через Архангельский порт и продажи за границей. Однако по наведенным справкам оказалось, что среди вывозимых материалов мачт почти нет, поэтому от идеи отказались, не ставя под сомнение достоверность полученных сведений¹⁰.

В 1727 г. генерал-губернатор Г. П. Чернышев выразил озабоченность проблемами дорогоизны и нехватки строительного материала и топлива в Риге, в то время как они активно экспорттировались через местный порт. По его предложению для отправки за границу через балтийские порты разрешалось вырубить только 2770 деревьев. На следующий год перновские купцы добились отмены ограничения, хотя и с оговоркой, «чтобы имелось прилежное смотрение, дабы какие деревья рублены были мерами не свыше того, как в отпуск за море рубить позволено»¹¹.

При проявлениях заботы о нуждах внутри страны необходимо обращать внимание на сохранение отношений с иностранными торговцами. Так, распоряжаясь организовать опись деревьев на корню и выяснить, кто и по какому

праву вырубил корабельные леса в Выборгском уезде, Адмиралтейств-коллегия разрешала вывезти уже заготовленные и требовала: «чужестранным купцам и кораблям, которые те леса для заморского отпуска купили и для того корабли выписали обиды и убытку не приключить и к праведным жалобам повод не подавать»¹².

В Коммерц-коллегии обсуждали возможности сдерживания экспорта через Прибалтику путем повышения пошлин и борьбы с незаконной торговлей¹³. В 1732 г. были повышенены пошлинные тарифы в Нарве и Выборге¹⁴, а в 1734 г. вывоз лесоматериалов через Нарву был запрещен, в связи с чем купцы стали жаловаться на оскудение. Сенат поручил Адмиралтейств- и Коммерц-коллегиям рассмотреть жалобы. Первая предложила запретить экспорт окончательно, вторая – ограничить вывоз материалов до 1/4 или 1/3 от прежних объемов.

В 1736 г. нарвские купцы добились права на беспрепятственный пропуск материалов по рекам¹⁵, но вскоре было установлено ограничение – 72000 сосен и 60000 елей в год, контроль за объемами экспорта был возложен на появившихся здесь лесных надзирателей¹⁶. В 1738 г. возник вопрос о пропуске заготовленных бревен через нарвские пороги. Местные помещики ссылались на Лифляндский земский устав 1664 г. и писали в Сенат, что «они о... запрещении не известны»¹⁷. Кабинет министров распорядился подтвердить запреты, т. е. фактически объявить недействительными оставленные Петром I при присоединении территорий права местных жителей.

Ситуацию осложняли интересы появившихся в Прибалтике после присоединения русских помещиков и купцов. Так, начавший в середине 1730-х гг. строить металлургический завод промышленник Шуйский сообщил в Адмиралтейств-коллегию, что район богат мачтовой сосной, леса не описаны, активно вырубаются и вывозятся. Очевидно, что активная торговля ставила под угрозу

⁸ РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 11. Т. 1. 1719 г. Д. 1-б. Наряд дел о заготовке и доставке мачтового леса и пеньки в Петербург, Кронштадт и Ревель и продаже адмиралтейских судов. Л. 1–32.

⁹ В протоколе [Адмиралтейств-коллегии] написано. 22 августа 1728 г. // Там же, л. 361.

¹⁰ РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 11. Т. 1. 1719 г. Д. 1-б. Наряд дел о заготовке и доставке мачтового леса и пеньки в Петербург, Кронштадт и Ревель и продаже адмиралтейских судов. Л. 361–379.

¹¹ РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 1. Д. 64. Л. 1 об.

¹² Резолюция Кабинета министров на доклад Адмиралтейской коллегии о запрещении без позволения оной коллегии для заморского торга рубить лес под штрафом за всякое малое дерево по рублю, а за мачтовое по пяти рублей. 17 июня 1737 г. // ПСЗ I. Т. X. № 7281.

¹³ Высочайше утвержденный доклад Коммерц-коллегии об уменьшении беспошлинного привоза мелочных товаров корабельщиками, штурманами и матросами к портам С.-Петербургскому, Нарвскому, Выборгскому, Архангельскому и Кольскому. 20 апреля 1732 г. // ПСЗ I. Т. VIII. № 6029.

¹⁴ Екстракт о коммерции российской [1778 г.] // Архив Санкт-Петербургского института истории. Ф. 36. Оп. 1. Д. 573. Л. 77 об.

¹⁵ Сенатский [указ] о пропуске через Нарвские пороги вырубаемого в Эстляндии из помещичьих дач леса и о надзоре эстляндскому губернатору, чтобы помещики общие леса по их правам хранили и не доводили до опустошения. 2 апреля 1736 г. // ПСЗ I. Т. IX. № 6933.

¹⁶ Сенатский [указ] об определении Нарвским купцам количества леса для ежегодной оного рубки и о позволении девице Крамеровой отпускать за границу один пильный лес. 21 мая 1736 г. // Там же, № 6967.

¹⁷ Резолюция Кабинета министров на сообщение Сената о прописании в доношениях и сообщениях всех приличных указов и резолюций и о приобщении к тем доношениям особых экстрактов // Там же, Т. X. № 7615.

успех его предприятия. По его настоянию рубка мачтовой сосны была запрещена¹⁸. Новгородские помещики просили запретить рубку деревьев, растущих по берегам реки Плюссы и впадающим в нее, для вывоза за границу через балтийские порты¹⁹.

В середине XVIII в. увеличивалось количество пильных мельниц, работающих на экспорт через Балтику, становилась очевидной выгода продажи обработанной древесины. Этот процесс нашел свое отражение в документах, появившихся в результате особого внимания властей к деятельности одного из крупнейших нарвских промышленников С. Брумберха. Было принято решение о необходимости разослать новые «подтверждения о смотрении и о бережении лесов», обследовать растущие деревья, выяснить объемы и цели заготовок; при этом особое внимание следовало уделить Новгородской губернии. Командированный для описи лесов лейтенант С. И. Мордвинов сразу рапортировал в ответ: «надзиратели в том надлежащее смотрение чинят»²⁰. Описи лесов Псковской, Новгородской и отчасти Петербургской губерний 1740 г. и 1742 г. позволили оценить ущерб. Обобщенные данные: стоячих крупных деревьев – 17594000, мелких – 82238500, «вырубленных пней» – 39242882. Строевого леса было вырублено в два раза больше, чем осталось на корню. И это в относительно удаленных от портов губерниях. Результаты описаний неизбежно вызвали беспокойство.

Дальнейшие проверки касались пильных мельниц, хозяева которых, в свою очередь, выражали беспокойство по поводу возможного ограничения или даже запрета их деятельности. Сенат считал необходимым исследовать, как уберечь леса от вырубки и одновременно предотвратить разорение хозяев пильных мельниц и «пошлининого сбора умаление», на основе собранных данных рассчитать количество деревьев, которое можно будет обрабатывать на каждой мельнице²¹. В отчетной документации предоставлялись сведения о том, где работали пильные

мельницы, откуда и какими путями привозили материалы для распиловки, в каком состоянии леса в округе, есть ли заповедные и на сколько лет хватит лесов при условии сохранения темпов вырубки и отсутствия лесовосстановительных работ. Наибольшее внимание привлекали мельницы, которые работали на экспорт.

Результаты нового обследования оказались оптимистичными. Выяснилось, что при сохранении объемов и темпов вырубок лесов хватит на период от 85 до 320 лет. Чаще всего отмечен срок 120–150 лет – вполне достаточно для естественного возобновления леса. Для сохранения такой стабильной ситуации Сенат распорядился: «кроме тех, кои действительно уже в лесном торге находились, никого более не допускать, также и никаких иностранных и мелочного торга купцов в лесной торг не принимать, и по силе оного указа [Нарвский] магистрат определение учинил и число купцов до 29 человек установил»²².

В Выборге ограничения оговаривались по другому принципу – до 10 кораблей²³. Разрешение вывозить бревна обосновано не интересами хозяев мельниц и казны, получающей доходы со сборов, а «неимением к отпуску довольноного числа других товаров», чтобы «приходящие корабли без груза не отходили»²⁴. Ситуация в Выборге осложнялась отсутствием удобных водных путей, связывавших его с внутренними районами страны; поэтому торговали товарами, заготовленными в непосредственной близости. Местные купцы указывали также на вред перестоя строевого леса²⁵. В результате обследований участки, где обитатели могли заготавливать деревья для продажи, стала определять Адмиралтейств-коллегия совместно с Коммерц-коллегией и местным обер-комендантром. До фиксации участков разрешалось вести экспорт за счет ресурсов Швеции: «которые выборгские обитатели для заморского отпуска леса с позволения достанут рубить на шведской стороне, в том им запрещения не чинить, токмо той выборгской провинциальной канцелярии иметь крепкое смотрение,

¹⁸ Резолюция Кабинета министров ... 17 июня 1737 г. // Там же, № 7281.

¹⁹ Сенатский [указ] о запрещении пилить на Нарвских пильных мельницах большие брусья и отпускать за море. 10 марта 1749 г. // Там же. Т. XIII. № 9584; Сенатский [указ] о запрещении нарвскому купечеству рубить лес, кроме позволенных в Самерском уезде месте; о подтверждении помещикам и крестьянам, чтоб для заграничного отпуска брусья не рубили и не продавали сверх позволенного количества, поставляемого на пильные мельницы. 12 марта 1752 г. // Там же, № 9955.

²⁰ Копия [протокола заседания экспедиции над верфями и строениями Адмиралтейств-коллегии. 19 августа 1738 г.] // РГА ВМФ. Ф. 138. Оп. 1. Д. 64. Журнал регистрации запросов Сената, Адмиралтейств-коллегии, экспедиций и других учреждений по охране заповедных лесов и выдаче разрешений на продажу леса за границу. 1738–1751 гг. Л. 35–36.

²¹ [Протокол заседания 11 марта 1741 г.] // Сенатский архив. Т. III. 1899. СПб.: Сенатская тип., 1890. С. 458–459.

²² Там же, с. 460–461.

²³ Запрос ис Правительствующего Сената и Адмиралтейской коллегии сколько в 1737 году выборгским купцам и мещанам для заморского отпуска брусья отпустить велено // РГА ВМФ. Ф. 138. Оп. 1. Д. 64. Л. 61 об.

²⁴ В протоколе Адмиралтейской коллегии записано. 1 сентября 1753 г. // РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 1. Д. 84. Дело о сокращении вывоза лесных материалов нарвскими купцами. 9 августа 1753 г. – 8 мая 1761 г. Л. 27.

²⁵ Сенатский [указ] о запрещении пилить ... 10 марта 1749 г. // ПСЗ I. Т. XIII. № 9584.

чтоб под тем видом не рубили в дачах той Выборгской провинции»²⁶.

По оценке Н. Н. Репина, умелое маневрирование жителей Выборга привело к тому, что город практически не ощущал на себе бремени запретов [17, с. 97–98]. По косвенному свидетельству заготовкой лесоматериалов на продажу занимались не только крестьяне и промышленники, но и солдатские артели²⁷. Жители соседних Березовых островов проявляли не меньшее мастерство при коммуникации с властью. В 1766 г. Адмиралтейств-коллегия заинтересовалась возможностями снабжения Кронштадта дровами и строительными материалами из Березовых островах. При обследовании территории было установлено, что «имеется только березовый и мелкий сосновый лес», который не сможет удовлетворить нужды Кронштадта, но «за малоимением пашенных земель» местным крестьянам разрешалось продолжать продавать древесину на маяки и приходящие корабли при условии, что Камер-контрора лифляндских и эстляндских дел произведет «по числу наличного там леса разверстку, сколько кому в год как на домашнее употребление, так и на помянутую продажу вырубить надлежит»²⁸.

Ограничение деятельности пильных мельниц диктовалось не только озабоченностью петербургских чиновников состоянием лесов. Напротив, поощрялось использование передовых технологий того времени. Их распространение вело к столь высокому уровню конкуренции, что едва ли не единственным легальным способом борьбы консервативных предпринимателей с мельниками становилось обращение с жалобой на истребление лесов. Инициаторы расследований были правы в том отношении, что пильные мельницы позволяли обрабатывать значительно большие объемы древесины, сами владельцы мельниц порой не были в состоянии оценить потенциал новых технологий, и тогда объемы вырубок и закупок сырья не соответствовали реальным потребностям производства и возможностям переработки закупленных материалов [18–20].

В 1745 г. сенатским указом было приказано сократить годовую вырубку по берегам Нарвы и Плюссы на нарвские

пильные мельницы на 1/3 – с 63000 до 42000 деревьев. В качестве компенсации купцам предоставлялось право на рубку лесов у Чудского и Псковского озер, а также до 122000 деревьев в год на специально выделенных территориях в Самарской волости. Несмотря на установленные ограничения, по Нарве и Плюссе рубили значительно больше дозволенного, например в 1752 г. здесь было заготовлено 178675 брусьев (соответственно, вырублено около 70000 деревьев), по данным предыдущего года, нормы превышены «едва не в десятеро». Было приказано разобраться, наказать виновных, опубликовать указы о запрещении и узнать, кто исправляет должности лесных надзирателей, с тем чтобы им «накрепко наказать»²⁹.

С 1746 г. в документах говорится о необходимости развивать торговлю другими товарами: «собрать обстоятельные справки, какие городу Нарве торги позволены и для каких обстоятельств, из других городов, кроме Пскова, ни с какими товарами ездить к ним не велено, иметь довольноное рассуждение, не возможно ль по обстоятельствам нынешнего времени вместо того лесного торгу, коему уже недостаток оказывается, тому городу в приумножении других торгов позволение, и такое учреждение учинить, дабы как к удовольствию того города, так и с ползою ея императорского интереса следовало»³⁰.

В 1749 г. снова был поднят вопрос о необходимости ограничить экспорт леса через балтийские порты, «понеже оные леса и кроме того заморского отпуска и на внутренние здесь нужды потребны, а именно для починки в Ревельском поте гавони и впредь на строение новой... и на прочие казенные надобности»³¹. Кроме того, продолжалось обустройство порта в Рогервике, для чего тоже были необходимы материалы³². Заготовка материалов и вывоз через Нарву и Пернов были запрещены³³. В местах хранения была организована опись материалов. К отправке за границу в Нарве оказалось заготовлено 18103 бревен. Вместо вывоза их должны были использовать в самих портовых городах.

Позже оказалось, что до 2/3 деревьев пришли в негодность из-за неправильного хранения, начали гнить³⁴.

²⁶ [Протокол заседания 30 апреля 1741 г.] // Сенатский архив. Т. III. С. 558.

²⁷ Сенатский [указ] о рубке лесов воинским командам с позволения губернатора 3 июля 1768 г. // ПСЗ I. Т. XVIII. № 13144.

²⁸ Сенатский [указ] об отпуске леса в Кронштадтский порт из Адмиралтейства и о запрещении жителям Березовых островов продавать дрова промышленникам. 18 сентября 1766 г. // Там же. Т. XVII. № 12743.

²⁹ Дело об отпуске нарвским купцам лесных материалов для продажи за границу и об отставке поручика Белеутова. 24 февраля 1752 г.– 30 марта 1753 г. // РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 1. Д. 67. Л. 4; РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 1. Д. 68. Л. 4–63.

³⁰ В протоколе Адмиралтейской коллегии записано. 1 сентября 1753 г... Л. 27.

³¹ РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 1. Д. 64. Л. 5.

³² Там же. Д. 81. Л. 23 об.; Д. 84. Л. 1–17.

³³ Сенатский [указ] о запрещении пилить на Нарвских пильных мельницах большие брусья и отпускать за море. 10 марта 1749 г. // ПСЗ I. Т. XIII. № 9584; Сенатский [указ] о описи лежащих около города Пернова лесов и снятии оных на карту; о запрещении рубить в сих местах лес и отпускать за море из Перновского порта. 6 июля 1750 г. // ПСЗ I. Т. XIII. № 9776.

³⁴ РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 1. Д. 84. Л. 6–7.

Находившиеся в Пернове бревна, за которыми уже пришли корабли, было решено вывезти. Естественным следствием запрета стали челобитные рижских и перновских купцов с просьбой не допустить их разорения и не оставить казну без доходов с пошлин. Однако ограничение не было снято. Только Ф. Крамер добился разрешения вывезти деревья, оказавшиеся при освидетельствовании гнилыми, и заготавливать ежегодно до 20000 деревьев³⁵. Запрет стал нарушаться сразу после установления, о чем быстро стало известно в Петербурге, однако никаких серьезных мер применено не было, несмотря на грозное распоряжение Сената «трату и опустошение лесов пресечь и с винными учинить по указам без упущения»³⁶.

Запрет экспорта лесоматериалов

В апреле 1753 г. заготовка и сплав лесов по Плюссе были запрещены³⁷. Снова последовали челобитные с просьбами разрешить вывоз, некоторые из них были удовлетворены. Наряду с голландцем К. Кемпе³⁸ добились разрешения нарвские купцы В. Г. Булферт и Ф. Крамер. В. Г. Булферт сообщил, что доставил до 1000 деревьев, годных для изготовления мачт и риг в Нарву по реке Великой через Псков, а заготовлены они были в Польше³⁹. Решение было принято в его пользу. Ф. Крамер настаивал на том, что до 20000 давно заготовленных им деревьев гниют от длительного хранения⁴⁰. Купец добился разрешения на вывоз⁴¹, хотя в Адмиралтейств-коллегии не верили в то, что материалы действительно пришли в негодность от длительного хранения. В протоколах заседаний читаем: «Крамер из несытого своего довольства дерзновенно отваживается просить имеющиеся ныне евомелнишные леса яко гнилые перетесать в брусье и за море отпустить, в чем не иначе есть как токмо явно ево подлог и происк, ибо он и ныне негнилые, но нарочитое число мелничных сырых круглых годных лесов по разным местам для заморского отпуска в брусье заготовляет... и тем только г-рственные леса для одной своей корысти

искоренить старается. А что он прощением своим представляет, якобы толикое число круглых лесов от многих годов накопилось и оные за долголежанием и за гнилостию в негодность пришли, то весьма не уповательно... А по записям как таможенных книг, так и прочих застав яствует, что оному Крамеру в прошедшем 1752 году к пиловоймельнице пропущено более 36000 дерев сырого лесу и tanto вдруг две годовые суммы, уповательно умышляя уже тогда толикое число намеренно под именем гнилого о перетеске в брусье представление учинить... Ежели оные для своей корысти якобы гнилыми назвать не устыдится, то откровенно знать можно, такое число в один год погнить не может... Гнилые брусье в заморской отпуск никогда не употребляются»⁴².

С недоверием была воспринята и фраза о заготовке материалов в Польше. Туда купцы не раз везли древесину из Псковской и Новгородской губерний⁴³. Причина уступчивости Адмиралтейств-коллегии заключалась в том, что запрет на вывоз затрагивал интересы не одного купца. На нарвском рейде уже стояли европейские корабли в ожидании погрузки. Хотя и было сказано, что не полагается выписывать корабли из-за границы, 100 брусьев было взято в казну по установленной Адмиралтейств-коллегией цене, но вывоз заготовленных материалов состоялся⁴⁴.

В 1751 г. и 1754 г. Адмиралтейств-коллегия отправила в Нарву капитана Костомарова. Он должен был осмотреть леса и решить, следует ли разрешить или запретить рубку и экспорт древесины местным купцам. О результатах его работы читаем: «С прибытия его по неоднократным от нарвской таможни письменным требованиям, чтоб учинить осмотр приготовленным лесам за море, оная таможня отзывалась письменно, чтоб без указу Коммерц-коллегии по команде того осмотра и в подании ведомостей исполнение чинить не должна... а содержатели пильных мельниц к нему явились и каждый день представляли, чтоб, не продолжая времени, осмотр учинить, дабы не упустить и последних лесов»⁴⁵.

³⁵ Там же. Д. 84. Л. 14.

³⁶ Сенатский [указ] о запрещении... 12 марта 1752 г. // ПСЗ I. Т. XIII. № 9955.

³⁷ Опись указам и прочему Правления обретающегося при Нарве упропуску лесов за море // РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 1. Д. 67. Л. 33.

³⁸ Дело о выдаче разрешения голландскому купцу Кемпе Крестиану на вывозку лесных материалов за границу. 8 июля 1753 г. – 17 сентября 1754 г. // Там же. Д. 81. Л. 1–20.

³⁹ Дело о выдаче разрешения содержателю пильной мельницы Вульферту на продажу мачтового леса за границу. 22 февраля – 8 апреля 1753 г. // Там же. Д. 78. Л. 1–8.

⁴⁰ В Правительствующий Сенат из Адмиралтейской коллегии рапорт о получении указа. 6 сентября 1753 г. // Там же. Д. 84. Л. 14; Дело об упорядочении заготовки и вывоза через Нарву за границу лесных материалов. 10 июля – 14 августа 1753 г. // Там же. Д. 82. Л. 1–44.

⁴¹ Дело о разрешении владельцу нарвских пильных мельниц Ф. Крамеру вывозки негодных для распиловки на доски бревен за границу. 15 февраля – 11 мая 1753 г. // Там же. Д. 77.

⁴² Дело об упорядочении заготовки и вывоза через Нарву за границу лесных материалов // Там же. Д. 44. Л. 6–8 об.

⁴³ Сиверс Я. В. Доношение Сенату новгородского губернатора Сиверса. 10 мая 1768 г. // Сборник старинных бумаг, хранящихся в Музее П. И. Щукина: В 10 ч. М., 1901. Ч. 8. С. 24–25.

⁴⁴ РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 1. Д. 44. Л. 24.

⁴⁵ Там же, л. 24–25.

Капитан обнаружил сильное превышение дозволенных норм экспорта. Но пока он переписывался со столичными коллегиями и добивался документов, без которых его не допускали до осмотра лесов, местные заинтересованные лица не теряли времени даром. Через несколько недель ему официально заявили: «что де касается лесов на взморье, за упущением времени, ничего доказать не имеют, ибо вырубленные в неуказных местах леса уповательно все в заморский отпуск сплавлены и за море отправлены... и в леса ехать для упущения времени и за нападением снегов признаков учинить нельзя и достоверного свидетельства учинить не можно»⁴⁶. Таким образом, представитель Адмиралтейств-коллегии оказался не в силах справиться с противодействием местного общества.

В 1754–1758 гг. в связи с дефицитом лесов в Петербурге и окрестностях запрет вывоза материалов через столичный и первовский порты, а также ограничение экспорта через Нарву были подтверждены⁴⁷. В одном из указов не оговаривались порты, т. е. имелся в виду полный запрет экспорта леса⁴⁸. Материалы следовало поставлять по подрядам на казенные строения в Ревеле, Рогервике, Кронштадте и Санкт-Петербурге.

Разумеется, лесопромышленников, владельцев пильных мельниц не могло удовлетворить разрешение вывезти только уже законтрактованный лес, и они отправляли в столицу новые члобитные со ссылками на данные им ранее привилегии и просьбами об отмене решения. В упомянутых указах говорится, что каждый раз обнаруживавшиеся в портах и на пильных мельницах запасы леса объявлялись владельцами как заготовленные еще до остановки экспорта. Причем объемы запасов были настолько большими, что принимались и выдавались разовые разрешения на вывоз имеющегося в наличии, т. к. для казенных нужд невозможно было использовать так много.

Запрет имел побочный эффект в виде проблем заготовки материалов для продажи внутри страны. После жалобы С. Брумберха Сенат постановил уничтожить таможенные

заставы, существовавшие для контроля за экспортом лесов; при заготовке и перевозе материалов для продажи внутри страны «запрещения не чинить, ... пошлины не требовать»⁴⁹. В 1758 г. запрет на вывоз заготовленных лесов был снят «за ненадобностью ныне толь многой суммы к Рогервицким строениям», однако разрешено вывезти уже заготовленные деревья, дальнейшие вырубки были по-прежнему запрещены⁵⁰.

Вывоз заготовленных до запрета материалов затянулся едва ли не до середины 1760-х гг. В документах говорится о значимости лесного промысла для жителей Нарвы, ее окрестностей и Выборга. Принимая решение, Сенат давал распоряжение узнать о жителях: «не будет ли им от запрещения лесного торга в торгах их и промыслах оскудения, и вместо лесного торга, какие торги и на каком основании производить надлежит». И далее, получив ответ с места, «за неимением в г. Выборге других торгов в том 747 г. позволено у крестьян лесу покупать столько, сколько на тех мельницах пиловать можно»⁵¹. Оказалось также, что по причине «сущей бедности крестьянства» Новгородской губернии «удержать неможно» их от рубки лесов и продажи материалов наврским купцам. При этом нарвские купцы, экспортирующие лес, покупают его у крестьян по более выгодной цене, чем содержатели мельниц. Предлагалось «обязать подпискою» содержателей мельниц платить такую же цену, «когда ж не пожелают, то б поставкою к ним круглой лес запретить, понеже де они могут за самые малые цены почти даром у них все леса опустошить»⁵². Установление ценового барьера выступает как средство сдерживания, способствующее сохранению лесов. В документах вновь возникает необходимость развивать торговлю другими товарами.

Попытки ограничения ни на один год не останавливали торговлю лесоматериалами через Балтику полностью. В 1750-х гг. бревна и доски вывозились по разовым разрешениям как заготовленные до запретов либо незаконным путем. С начала 1760-х гг. ограничения стали постепенно

⁴⁶ Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах : От древних времен до ныне настоящаго и всех преимущественных узаконений по оной государя имп. Петра Великаго и ныне благополучно царствующей государыни имп. Екатерины Великия, Сочиненное Михайлом Чулковым. Т. 5. Кн. 2. 1786. С. 273–274.

⁴⁷ Сенатский [указ] о пресечении отпуска за границу из Нарвы досок и всякого рода лесов, вырубленных в пределах Российской Империи. 7 сентября 1754 г. // ПСЗ I. Т. XIV. № 10292; Сенатский [указ] о неотпуске за границу леса из Санкт-Петербурга, Нарвы и Первона. 27 мая 1755 г. // Там же. № 10417; Сенатский [указ] о запрещении отпускать лес от Нарвского порта за границу. 7 сентября 1756 г. // Там же. № 10517; Сенатский [указ] о запрещении вперед нарвскому купечеству и пильных мельниц содержателям покупать в Новгородской губернии и Эстляндии лес для отпуска за границу под опасением за неисполнение конфискации леса в казну. 5 марта 1758 г. // Там же. Т. XV. № 10805.

⁴⁸ Сенатский [указ] вследствие именного объявленного Сенату графом Шуваловым о дозволении отпускать за границу лес и доски по контрактам, прежде заключенным только на один 1754 г. // Там же. № 10248.

⁴⁹ Сенатский [указ] о нечинении запрещения в отвозе лесов на внутренние расходы в Ревель, Рогервик, Кронштадт и Санкт-Петербург на осташковских романовках и о нетребовании с оных пошлины. 31 мая 1756 г. // Там же. № 10565.

⁵⁰ РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 1. Д. 84. Л. 676.

⁵¹ От Сената всеподданнейший доклад. 9 августа 1762 г. // Сенатский архив. Т. XI. 1904. С. 233.

⁵² Дело о регулировании сплава леса по р. Плюсе и ее притокам и разрешении нарвским купцам проводить вырубку леса для вывоза за границу. 13 марта – 19 октября 1752 г. // РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 1. Д. 68. Л. 2.

сниматься⁵³. На торговлю другими товарами накладывались более жесткие ограничения, а вывоз древесины относился к немногочисленным разрешенным видам деятельности: «ни с какими товарами ездить к ним не велено, и ежели им в рубке лесов учинить запрещение, то без торговых промыслов в разорение могут прийти и в сбore с торговых промыслов пошлии учинится недобор»⁵⁴. Документы почти дословно повторяют слова о необходимости разрешить заготовку древесины и в Псковской, и в Новгородской губерниях. Там производились заготовки для последующего вывоза через Балтику, и развитие торговли напрямую зависело от соседних регионов⁵⁵. Из Смоленской губернии активно поставляли лес в Ригу. В некоторых местах, находившихся далеко от портов, где земли были неплодородны, заготовка лесоматериалов была важным средством заработка⁵⁶.

И все же политика «бережения лесов» не могла совсем не сказываться на торговле. В 1745–1754 гг. нарвские купцы продавали за границу в среднем 110600 бревен ежегодно, т. е. меньше, чем разрешено Сенатом, торговые обороты упали с 40000 руб. в середине 1750-х гг. до 19300 руб. в 1762 г. К началу екатерининского царствования лес из Риги не вывозился; более того, в 1762 г. за пределами России были закуплены лесоматериалы на 450000 ефимков [17, с. 93–103].

Заключение

С момента введения ежегодных сборов лейтмотивом переписки между местными прибалтийскими и петербургскими учреждениями стала борьба между купцами, заинтересованными в продаже материалов за границей, и местными жителями, озабоченными своими бытовыми нуждами. К последним примыкали адмиралтейские служащие, которым требовалось материалы для ремонта кораблей, построек и прочих казенных нужд. Типичные документы этого периода – панические донесения об оскудении лесов. Особенно возмутительной предстает в документах деятельность владельцев пильных мельниц.

Естественная реакция столицы – распоряжение о прекращении отпуска продуктов лесного хозяйства из порта и немедленная отправка на место представителя Адмиралтейств-коллегии. Командированный офицер с удивлением обнаружил обилие лесов, в целом неплохое их состояние и рапортовал об итогах своей работы: «из того

ясно, что рубкою к заморскому отпуску досок в Выборгской и Кексгольмской провинциях леса никогда выведены быть не могут»⁵⁷. Тем временем проходит время с момента начала расследования до его окончания и принятия решения в Петербурге, местное купечество, лишенное права торговать древесиной, терпело убытки. Купцы обращались в Петербург, каждый в виде исключения стремился получить разрешение на вывоз уже срубленных деревьев, скопку материалов, привозимых из-за шведской границы и т. д. Некоторым из них удавалось добиться определенных результатов, однако, как правило, в Петербурге предпочитали дожидаться окончания очередной ревизии и нового официального подтверждения действия принятых ранее законов. Вскоре после этого подтверждения в Сенат поступило новое сообщение о плачевном состоянии лесов на северо-западе России.

Таким образом, местная администрация в лице магистрата, депутатов и других должностных лиц посредством доношений о незаконных вырубках достигала важной цели – притормозить вывоз за границу древесины, задержать заготовленные материалы здесь, где имеется необходимость. При этом дело охраны природных ресурсов использовалось как риторический ход, необходимый для обращения в высшие государственные инстанции. Активная подача таких обращений заставляла часто меняющееся правительство эпохи дворцовых переворотов постоянно держать «лесной вопрос» на повестке дня.

Описанные процессы были частью модернизационного процесса, важными аспектами которого были бюрократизация, рационализация и усиление центральной власти [21–29]. Прибалтийский регион, имевший прочные связи с западноевропейской культурой, можно считать одним из передовых в России, где модернизационные процессы шли по сравнению с другими быстрее и легче и даже подчас подталкивали центральное правительство не останавливаться на достигнутых результатах. В качестве основных факторов, определявших основные направления развития политики в регионе, следует выделить:

- активный коммуникационный процесс между властью и локальным обществом с его сильными корпоративными связями;
- модернизационные процессы, проявлявшиеся в укреплении вертикали власти, регламентации, бюрократизации, расширении товарно-денежных отношений, развитии современных технологий.

⁵³ Сенатский [указ] о дозволении нарвским жителям отпускать за море определенное количество леса на 3 года и о сборе с оного пошлии, кроме городской портoria по тарифу Кольского порта. 6 апреля 1761 г. // ПСЗ I. Т. XV. № 11237; Высочайше утвержденный доклад Сената о дозволении впредь до указа отпускать от Нарвского порта лес за границу. 13 мая 1762 г. // Там же, № 11534.

⁵⁴ От Сената всеподданнейший доклад. 9 августа 1762 г. // Сенатский архив. Т. XI. 1904. С. 232–236.

⁵⁵ Жителей Вилима Кетелвеля, Андрея Арписа [челобитная. 1722 г.] // РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 11. Т. 1. 1720 г. Д. 19-6. Л. 48 об.–49.

⁵⁶ Например: Наказ Лихвинского уезда от собравшегося дворянства избранному от нас в Комиссию к сочинению нового Уложения депутату... А. И. Глебову // Сборник Русского исторического общества. Т. VIII. СПб., 1871. С. 442–443.

⁵⁷ РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 1. Д. 44. Л. 32.

Литература

1. Булгаков М. Б., Ялбулганов А. А. Российское природоохранное законодательство XI – начала XX вв. М.: Легат, 1997. 262 с.
2. Истомина Э. Г. Леса России: Экологическая и социоэкономическая история (XVIII – начало XX в.). М.: Квадрига, 2019. 358 с.
3. Лупанова Е. М. История закрепощения природного ресурса. Лесное хозяйство в России 1696–1802 гг. СПб.: Европейский ун-т в Санкт-Петербурге, 2017. 345 с.
4. Насонова А. В. Правовое регулирование охраны природы в Российской Империи (XVIII – начало XX вв.): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 26 с.
5. Приходько Ю. С., Голобобов Е. И. Методологические аспекты исторического исследования экологической политики государства (на примере севера Западной Сибири во второй половине XX – начале XXI вв.) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2015. № 4. С. 195–200.
6. Пуряева А. Ю. Корабельные леса в дореволюционном лесном законодательстве России // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2011. № 1. С. 131–138.
7. Рахилин В. К. Формирование системы охраны природы. Исторический аспект: дис. ... д-ра геогр. наук. М., 1993. 62 с.
8. Тяпкин М. О. Государственная лесоохранная политика в Западной Сибири в XVIII – начале XX в.: дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2017. 230 с.
9. Тяпкин М. О., Глазунов Д. А. Эволюция системы управления лесами Российской Империи во второй половине XVIII в. // Известия Алтайского государственного университета. Исторические науки и археология. 2015. № 4-2. С. 207–213.
10. Каменский А. Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века. Опыт целостного анализа. М.: РГГУ, 2001. 575 с.
11. Спиридонова Е. В. Экономическая политика и экономические взгляды Петра I. М.: Госполитиздат, 1952. 277 с.
12. Цейтлин М. А. Лесная промышленность в России и СССР. Л.: Печатный труд, 1940. 156 с.
13. Kahan A. The Plow, the Hammer, and the Knout: an Economic History of Eighteenth-Century Russia. Chicago: University press, 1985. 399 р.
14. Кирилов И. К. Цветущее состояние Всероссийского государства. М.: Наука, 1977. 443 с.
15. Williams M. Deforesting the Earth. From Prehistory to Global Crisis. Chicago, London: University of Chicago press, 2003. 715 р.
16. Попов Г. А. Государево село Венкуль во времени и пространстве. Ивангород; Нарва; СПб.: Реноме, 2015. 363 с.
17. Репин Н. Н. Морская торговля России со странами Европы в первые шесть десятилетий XVIII века: политика русского правительства и её результат // Вестник Рязанского государственного университета. 2008. № 1. С. 77–108.
18. Любомиров П. Г. Из истории лесопильного производства в России в XVII, XVIII и начале XIX вв. // Исторические записки. М., 1941. С. 222–249.
19. Цейтлин М. А. Очерки развития лесозаготовок и лесопиления. М.: Лес. пром., 1968. 295 с.
20. Чефранова Н. А. Охрана природы в эпоху Петра Великого // Охрана природы и заповедное дело в СССР. 1960. № 6. С. 111–117.
21. Алексеев В. В., Побережников И. В. Модернизационная перспектива: проблемы и подходы // Опыт российских модернизаций XVIII–XX века. М.: Наука, 2000. С. 3–29.
22. Долгий XVIII век и становление модернизационной империи // Ab Imperio. 2015. № 1. С. 323–447.
23. Васильев Л. С. Модернизация как исторический феномен (о генеральных закономерностях эволюции). М.: Либеральная миссия, 2011. 188 с.
24. Ильин В. В., Панарин А. С., Ахиезер А. С. Реформы и контрреформы в России. Циклы модернизационного процесса. М.: МГУ, 1996. 398 с.
25. Красильщиков В. А., Гутник В. П., Кузнецов В. И., Белоусов А. Р. Модернизация: зарубежный опыт и Россия. М.: Информант, 1994. 115 с.
26. Кром М. М. Государство раннего Нового времени: общеевропейская модель и региональные различия // Новая и новейшая история. 2016. № 4. С. 3–15.
27. Манькова И. Л. У истоков российской модернизации // Уральский исторический вестник. 2000. № 5–6. С. 184–202.
28. Милецкий В. П. Российская модернизация: предпосылки и перспективы эволюции социального государства. СПб.: СПбГУ, 1997. 123 с.
29. Побережников И. В. Восточные регионы в контексте российских модернизаций: специфика развития (XVIII – начало XX в.) // Исторический опыт российских модернизаций XIX–XXI веков. Специфика регионального развития. Казань: ИИА Н РТ, 2012. С. 28–39.

Economic Policy in the Field of Forest Exploitation in the Baltic States of the First Half of the XVIII Century

Evgenia M. Lulanova^{a, @, ID}

^a Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences, 3, Universitetskaya Emb., St. Petersburg, Russia, 199034

@ lulanova@kunstkamera.ru

ID <https://orcid.org/0000-0003-0266-2887>

Received 04.05.2019. Accepted 31.07.2019.

Abstract: The research featured the economic policy in the sphere of forest exploitation led by St. Petersburg government in the Baltic region. The paper describes the policy and reveals the mechanisms of its elaboration and change. The study is based on the fundamental principles of historical research, such as historicism and consistency. The basic ideas involve multifactority of historical process, problematic and chronological principals of the narrative, as well as the instrumental and technological approach to the theory of modernization. When Peter the Great's set up the Russian Navy, it stimulated the development of trade and mobilized all kinds of recourses, including timber logging. The dilemma "trade development vs. rational recourse usage" from the very beginning became an acute problem of state policy and remained urgent for many decades to follow. Forest exploitation in the Baltic region in the XVIII century was the zone of various conflicts: private interests vs. those of the state, local businessmen vs. Russians, traditional technologies vs. modernization, Admiralty vs. Commerce-College, local administration vs. central power, etc. The research focuses on the dynamics of economic policy and social communication with the power. The study is based on a number of published and archival sources. The mainstreams of the process were: complains about overuse of forests; revisions that followed the complains; limitations and bans of export, as well as confiscations; merchants' complains about personal bankrupts and general trade-fall. Throughout the whole century, these activities determined the general situation in the Baltic region, thus keeping the problem of resource saving in the focus of the attention of the central government, which had to edit new local and imperial laws. This stability was especially remarkable in the circumstances of constant palace coups that were often followed by policy-course changes. The research increases the historiography experience of economic policy studies. The Baltic region, which had strong contacts with the western culture, was one of the leading ones in Russia. There the processes of modernization were faster and easier adapted, if compared with other regions; they sometimes even stimulated the central government for further improvements. The main factors that determine the development of the policy included: active communication between the central power and the local society, which was bound with strong corporative relations; modernization processes, displayed in the consolidation of central power and state hierarchy, regulatory activity, bureaucratization, development of goods / money relations, and the development of modern technologies.

Keywords: environmental management, trade, modernization, corporate interests of merchants, central power, local administration

For citation: Lulanova E. M. Economic Policy in the Field of Forest Exploitation in the Baltic States of the First Half of the XVIII Century. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(3): 614–625. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-3-614-625>

References

1. Bulgakov M. B., Ialbulganov A. A. *Russian environmental legislation of the XI – beginning of XX century*. Moscow: Legat, 1997, 262. (In Russ.)
2. Istomina E. G. *Forests of Russia: Ecological and social-economic history (the XVIII – beginning of the XX century)*. Moscow: Kvadriga, 2019, 358. (In Russ.)
3. Lulanova E. M. *The history of natural resource enslavement. Russian forestry in 1696–1802*. Saint-Petersburg: Evropeiskii un-t v Sankt-Peterburge, 2017, 345. (In Russ.)
4. Nasonova A. V. *Legal regulation of environment protection in Russian Empire (the XVIII – beginning of XX century)*. Cand. Jurispr. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 2012, 26. (In Russ.)

5. Prikhodko Yu. S., Gololobov E. I. Methodological aspects of historical research state environmental policy (on example the north of Western Siberia in the second half XX – the beginning XXI centuries). *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2015, (4): 195–200. (In Russ.)
6. Puryaeva A. Yu. Ship timber in the pre-revolutionary Russian forestry legislation. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo*, 2011, (1): 131–138. (In Russ.)
7. Rakhilin V. K. *The formation of system of environment protection. Historical aspect*. Dr. Geogr. Sci. Diss. Moscow, 1993, 62. (In Russ.)
8. Tyapkin M. O. *State policy of forest protection in western Siberia in the XVIII – beginning of the XX century*. Dr. Hist. Sci. Diss. Tomsk, 2017, 230. (In Russ.)
9. Tyapkin M. O., Glazunov D. A. The evolution of the forest management system of the Russian Empire in the second part of the XVIII century. *Izvestiia Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoricheskie nauki i arkheologiiia*, 2015, (4): 207–213. (In Russ.)
10. Kamenskii A. B. *From Peter the I to Paul the I. Reforms in Russia of the XVIII century. The experience of complex study*. Moscow: RGGU, 2001, 575. (In Russ.)
11. Spiridonova E. V. *Economic policy and economic views of Peter the I*. Moscow: Gospolitizdat, 1952, 277. (In Russ.)
12. Tseitlin M. A. *Forest industry in Russia and USSR*. Leningrad: Pechatnyi trud, 1940, 156. (In Russ.)
13. Kahan A. *The Plow, the Hammer, and the Knout: an Economic History of Eighteenth-Century Russia*. Chicago: University press, 1985, 399.
14. Kirilov I. K. *The blossoming state of the All-Russian state*. Moscow: Nauka, 1977, 443. (In Russ.)
15. Williams M. *Deforesting the Earth. From Prehistory to Global Crisis*. Chicago, London: University of Chicago press, 2003, 715.
16. Popov G. A. *State village Venkul' in the time and space*. Ivangorod; Narva; Saint-Petersburg: Renome, 2015, 363. (In Russ.)
17. Repin N. N. Russian-European sea trade during the first decades of the XVIII century: Russian state policy and its results. *Vestnik Riazanskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2008, (1): 77–108. (In Russ.)
18. Liubomirov P. G. From the history of forest legislation in Russia of XVII, XVIII and early XIX century. *Historical notes*. Moscow, 1941, 222–249. (In Russ.)
19. Tseitlin M. A. *Essays on the development of timber stockpiling and sawing*. Moscow: Les. prom., 1968, 295. (In Russ.)
20. Chefranova N. A. Environment protection during the time of Peter the Great. *Okhrana prirody i zapovednoe delo v SSSR*, 1960, (6): 111–117. (In Russ.)
21. Alekseev V. V., Poberezhnikov I. V. Modernization perspective: problems and attitudes. *The experience of Russian modernization XVIII – XX centuries*. Moscow: Nauka, 2000, 3–29. (In Russ.)
22. Long XVIII century and formation of modern empire. *Ab Imperio*, 2015, (1): 323–447. (In Russ.)
23. Vasilev L. S. *Modernization as a historical phenomena (on general regularities of development)*. Moscow: Liberalnaia missiia, 2011, 188. (In Russ.)
24. Ilin V. V., Panarin A. S., Akhiezer A. S. *Reforms and contra-reforms in Russia. Circles of modernization process*. Moscow: MGU, 1996, 398. (In Russ.)
25. Krasilshchikov V. A., Gutnik V. P., Kuznetsov V. I., Belousov A. R. *Modernization: foreign experience and Russia*. Moscow: Informant, 1994, 115. (In Russ.)
26. Krom M. M. State of early modern times: the European model and regional differences. *Novaia i noveishaiia istoriia*, 2016, (4): 3–15. (In Russ.)
27. Mankova I. L. By the origins of the Russian modernization. *Uralskii istoricheskii vestnik*, 2000, (5–6): 184–202. (In Russ.)
28. Miletskii V. P. *Russian modernization: pre-requisites and perspectives of social state evolution*. Saint-Petersburg: SPbGU, 1997, 123. (In Russ.)
29. Poberezhnikov I. V. Eastern regions in the context of Russian modernization: the specifics of development (XVIII – early XX century). *The historical experience of Russian modernizations of the XIX – XXI centuries. The specifics of regional development*. Kazan, II AN RT, 2012, 28–39. (In Russ.)